

В САДУ, НА ОДИНУШКОМ СКАМЕЙКЕ...

Имя Риккардо Мути несомненно стоит в ряду имен первых дирижеров мира. Мы перепечатаем статью их итальянской газеты «Коррьере делла сера», которая рассказывает о его юности и первых шагах в музыке.

— Сколько себя помнит, он с малых лет боялся остаться в комнате один. И с малых лет его неудержимо влекло к музыке. Только благодаря ей плохое настроение сменялось ощущением безмерного счастья. Без музыки, говорит Мути, я не могу жить, не могу воспринимать жизнь. О чем же он мечтает, о чем думает? И о чем думал и мечтал в детстве?

— Мой отец был врачом да добавок обладал прекрасным тенором. Помню его поющим Stabat mater Россини. Но не эти склонности отца определили мою судьбу. Помню другое: праздничные процессии, коллективный религиозный ритуал. Помню запах ладана, аромат цветов, заполнявших церковь. Эти мгновения навсегда окрасили неким драматизмом и мою жизнь, и мое искусство — мою дирижерскую манеру, что и отмечают слушатели.

На процессии меня брал дед. Его звали Никола, он был учителем начальной школы. Носил неизменный костюм строгого покроя, пенсне и пользовался в нашем городке большим авторитетом. Вот с ним мы и участвовали по праздникам в религиозных процессиях вместе с другими жителями нашего города. Помню, как все строго и медленно двигались по улицам и пели, а впереди несли статуи святых. Мне было шесть лет, и дед держал меня за руку...

— Словом, вас, ребенка, просто тащили по темным улицам города...

— Нет, я не мог оторвать глаз от плывущего в темноте изваяния — Христа на коленях у Святой Марии. А город в эти мгновения казался мне огромной театральной сценой. Процессия выходила из церкви Св. Стефана ровно в полночь. Сначала по очереди — одну за другой выносили статуи святых. Несшие изваяния люди располагались в два ряда по обеим сторонам двери. Последним выносили распятого Христа, его сопровождали огромные серебряные канделябры — их было четыре. Сначала из тьмы дверного проема появились ноги, на которых были видны раны от гвоздей. В тот момент, когда изваяние было уже около нас, гасили все огни. Все погружалось во мрак, исчезало — и то, что было рядом, и то, что виднелось вдали — порт, лодки у берега. С нами оставалась только музыка, она вела, направляла. Никогда этого не забуду: Dies Irae всегда вызывает во мне эти воспоминания. Звуки музыки объединяли тысячи человек, рождая в душах ощущение причастности к тайне... Когда процессия проходила мимо нашего дома, дед разжимал руку и тихо говорил: «А теперь быстро в постель». И я бежал бегом.

— А процессия!

— Изваяния святых блуждали по городу до утра, а иногда и до полудня. Процессия не раз проходила под нашими окнами. За изваяниями святых шел небольшой местный ор-

кестр. Скрипка-«восьмушка», маленькая флейта, труба, барабан... Я просыпался при первых, еще очень далеких звуках. Они будили весь дом. Я записал одну мелодию, которую оркестр исполнял постоянно — наверняка она «восточного» происхождения. Я смотрел на деревянный крест с изображением плачущего Спасителя, слушал, как плачет скрипка... Время от времени оркестр, прервав похоронные мотивы, исполнял Stabat mater. Думаю, что именно тогда и родилась моя любовь к опере...

— Stabat mater навеивает какое-то душевное, «домашнее» настроение...

— Да, я всегда это знал и несколько раз записал это произведение на грампластинку, много раз исполнял его и в «Ла Скала», и в Зальцбурге. Думаю, я родился под звуки этой музыки, вырос под мелодии похоронных маршей... Мой дедушка знал их названия наизусть...

— Говорят, что когда вы были ребенком, музыка вам не нравилась — правда ли это?

— Нет, неправда, я был просто погружен в музыку, и она мне нравилась. Мне было шесть месяцев, когда меня привезли в коляске в театр. В тот вечер давали «Аиду». Я слушал ее, лежа на коленях у гувернера. Он сидел в последнем ряду и должен был сейчас же унести младенца, если тот начнет плакать. Рассказывают, что за действие я не заплакал ни разу и не заснул.

Отец считал, что для развития ребенка, для выявления его индивидуальности знание музыки просто необходимо. Гитара, фисгармония, фортепиано, скрипка... Когда в день моего ангела я тоже получил в подарок скрипку, то сказал себе: «Ну вот, началось. Значит, мне тоже придется учиться играть». Со мной стала заниматься одна синьора, которая преподавала мне сольфеджио. Проходили месяцы, а я не понимал ничего. Предмет казался мне необыкновенно скучным. Но вот в один прекрасный день я вдруг понял механизм чтения музыки.

Со скрипкой были свои трудности. Меня ставили у открытого окна и заставляли играть. А я смотрел на товарищей, которые гоняли во дворе мяч...

Мой «дебют» в качестве музыканта имел место в папской семинарии — я играл концертино Вивальди. Дело в том, что мой отец почти задаром лечил семинаристов, зато они приглашали нас, братьев, выступать в годовых концертах. Мы рассаживались в первом ряду и аплодировали друг другу. За исключением моей матери: она считала, что аплодировать собственным детям неприлично.

— Ваша мать была из Пулии?

— Нет, она была неаполитанка, настоящая неаполитанка. Очень черные волосы, истинно «средиземноморские» черты лица. Ее звали Джильда. А моя бабушка по материнской линии приехала в Италию из Греноб-

ля: она была маркизой Гавудан. Истории ее я не знаю. Помню только, как мы проводили каникулы в ее доме в Гийе, помню салфетки и столовые приборы с фамильным гербом.

В маленьком местечке Молфетта, где мы жили, мама чувствовала себя хорошо, но вот рожать своих сыновей ездила в Неаполь. И ничто — ни война, ни тяготы дальней дороги, приходилось двенадцать часов трястись в поезде — не могло заставить ее изменить свое решение. Когда я вырос, то как-то спросил ее о причинах столь странного поведения. «Никто не знает, как сложится ваша жизнь», — сказала мне мама.

А вдруг вам придется разъезжать по свету. Кто-нибудь спросит, где вы родились, а вы ответите: в Неаполе. И вас будут уважать. А если вы назовете никому не известный маленький городок, вам долго придется объяснять, где он, и все равно никто ничего не поймет. Так она говорила. И не могла себе представить, что мне действительно придется немало поколесить по свету. Но, может быть, настоящая причина была в другом: она гордилась тем, что родилась и жила в городе, который в любимом ею XVII веке был одной из крупнейших европейских столиц.

— А когда вы начали заниматься музыкой всерьез?

— Сначала я «делил» себя между лицеем и музыкой. Тогдашние семьи желали, чтобы ребенок непременно получил «бумагу», которая дала бы ему возможность выйти в жизнь... В нашей семье было спартанское воспитание. В десять вечера — в постель, а утром, прежде, чем уйти в школу, мы сами должны были приводить в порядок постели. Телевидения тогда не было — по вечерам мы иногда слушали радио или нашего отца: он пел, мы аккомпанировали. Сам городок, в котором мы жили, с его строгими нравами побуждал к размышлениям. Напротив входа в городской сад, где мы играли, висели огромные часы. Они навевали не очень-то радостные мысли, поскольку на циферблате было написано: «Каждый уходящий час предупреждает, что смерть ждет вас». И еще: мы жили на углу улицы Распятая и площади Рая... Суровые напоминания!

Музыкой я занимался с тем упорством, с каким следует своему предназначению любой человек, вынужденный преодолевать на пути преграду из обычной для всех школьной программы. Когда заканчивались занятия в лицее, я, не заходя домой, садился в поезд и отправлялся в Бари. Возвращаясь вечером домой, я здесь же, в поезде, засыпал от усталости... Но мне повезло. Я познакомился с Нино Ротой, любимым композитором Фелини. Этот человек сыграл огромную роль в моей жизни, помог мне многое понять.

Нино Рота был весь соткан из музыки. Бывало, во время

нашей беседы он вдруг терял нить разговора, и по глазам было видно, что он где-то далеко, в недостижимых для всех пространствах. Это значило, что в его голове рождалась какая-то мелодия. В такие минуты мне больше всего хотелось, чтобы здесь же, немедленно, ощутилось фортепиано, и я услышал бы только что рожденную им музыку.

Я сдал экзамены экстерном и получил максимальный балл — десять, да еще и с плюсом. «Мы поставили тебе плюс не за то, как ты играл, а за то, как мог бы играть», — сказал мне Нино Рота. Я ответил, что мне хотелось бы переселиться в Неаполь. Он не задерживал меня. «Это правильно, для тебя это очень важно»...

Итак, семья переезжает в Неаполь — дети должны пойти учиться в университет, и родители не хотят отпускать их одних. У отца хватало мужества оставить свою практику, в Неаполе он должен начать все сначала, — здесь его никто не знает, и ему предстоит немало потрудиться, чтобы заработать себе имя. Но это неважно: главное, они вместе.

Мути поступает в университет на философское отделение и продолжает учебу в консерватории. Однажды директор, известный местный музыкант Якопо Наполи, сказал ему: «Ты играешь на фортепиано как дирижер. А у меня нет дирижера, человека, который мог бы выступать с моим оркестром на рождественских торжествах. Сможешь? Как ты на это смотришь?» Мути это предложение очень разволновало, но через несколько минут страх его окончательно прошел. Потом он рассказывал: «В искусстве дирижера меня всегда поражало: как это один жест — даже самый простой, взмах рукой сверху вниз, рождал музыку. Я подумал: вот она, моя дорога».

Мути едет в миланскую консерваторию вслед за Якопо Наполи. Выезду предшествует

семейный совет — все за большим столом, как в фильме «Рокко и его братья». Совет должен решить: ехать Риккардо или нет. Он впервые отправляется куда-то один. Милан «охлаждает» его надежды. «Стоял туман, он меня душил, мне не хватало света. Того яркого, африканского света, что был в Молфетте. И белых каменных стен, которые заменяют там заборы, а также оливковых деревьев, согнувшихся под лучами солнца».

В Милане же идет дождь, здесь мрачные серые комнаты в пансионе для тех, у кого мало денег. Он делит комнату с каким-то тенором, который без конца упражняется в пении. Чтобы сконцентрироваться на изучении контрапункта, Мути уходит в городской сад, где облюбовал одинокую скамейку. «Это мне очень помогло. Мой слух стал тоньше. Я занимался композицией без помощи инструмента. Рассчитывал аккорды, исходя из моего «внутреннего», если так можно выразиться, слуха».

Родители приезжают в Милан под Рождество. Привозят домашнее оливковое масло и на следующий же день уезжают. Однажды, когда у него была репетиция в консерваторском зале, туда случайно вошла какая-то девушка — ошиблась дверью. Нетерпеливым взмахом дирижерской палочки он указал ей на дверь. Но успел осмотреть ее, и она его — тоже. Кто этот надменный молодой человек? Девушка приехала в Милан из Равенны, она занимается вокалом. Зовут ее Кристина Моццавиллани. Через несколько лет они поженятся. А пока Мути работает, как японец: многочасовые занятия, концерты. Едет в турне с военным пражским оркестром. Они разъезжают по маленьким городкам типа Капри. «Когда я впервые попал в Бергамо, мне показалось, что я в Нью-Йорке». Ему присуждают премию Кантелли, его приглашают на музыкальный фестиваль

«Флорентийский май» — выступать с самим Рихтером.

В первые мгновения он стесняется, но только в первые мгновения. А потом — успех, безусловно, успех! Дирекция «Флорентийского мая» искала в то время дирижера и нашла в его лице Риккардо Мути. В общем-то, его выбрал сам оркестр. А помогла ему статья критика Леонардо Пинцаути в газете «Национе», в которой он поставил вопрос: почему мы боимся поверить в молодежь?

Именно во Флоренции Мути стал известным дирижером. Здесь же он женился, здесь у него родились трое детей. С юга время от времени приезжали отец и мать. Ходили на его концерты. Отец садился в первом ряду, аплодировал. Мать — немного подальше. А после каждого концерта подходила к критику Пинцаути: «Профессор, что вы скажете об этом парне?»

Материал подготовила
Л. ФИЛАТОВА.

● Риккардо Мути — сейчас и в детстве.

Фото из итальянской газеты «Коррьере делла сера».